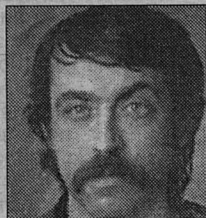

ЗАДАЧНИК

В театре на Малой Бронной – премьера. “Театральной фантазией” по гоголевской “Ночи перед Рождеством” постановщик Сергей Женовач отметил двухлетие своего пребывания на посту главного режиссера. Срок невелик, но, учитывая, что до того он несколько лет просуществовал там в качестве очередного, вполне достаточен, чтобы набросать абрис.

Соратники по цеху его поколения получили прозвище “подвальных” – они начинали в андерграунде, в полупризнанных студиях, бросая тем самым вызов официальному искусству (даже если “подвалом” была Новая сцена МХАТ). Их сила – в поисках собственного пути, слабость – в невольной привычке к камерности со всеми вытекающими из того последствиями: расчетом на ограниченную аудиторию, тонкостью подробностей, теряющихся на большой сцене, нелюбви к широкому пространству этой большой сцены, связанной – сознательно или ненамеренно – в их представлении с фальшивой официоза времен их молодости. Все это привело к тому, что мало кто из этого поколения оказался во главе трупп.

Другой фактор – застылость самого театрального организма, когда на художника (таким, по идее, должен быть руководитель) навален груз нетворческих проблем. В условиях издевательского отношения властей к культуре вообще и к театру, в частности, эта нагрузка усилилась многократно, чего не выдерживают подчас и представители старших, более закаленных поколе-

ний (примеров тому в традиционных стационарах столицы – масса). Молодые лидеры практически отказались от попыток создать собственные театральные компании (примеров опять-таки множество: от “Чет-Нечет” А.Пономарева до “Улисса” М.Мокеева). Единственный, кажется, опыт Р.Козака с драматическим театром Станиславского тоже закончился неудачей. Поэтому те, которым сегодня надо бы стоять во главе солидных сцен, предпочитают находиться в рядах очередных режиссеров и свободных художников, отдавая предпочтение творчеству. Последствия не заставляют себя ждать – общий упадок театра очевиден, добротность отдельного спектакля не означает стабильность труппы, в которой он создан.

Поэтому еще и руководство Женовача привлекает внимание. Результаты его начальствования двойственны. Если судить по формальным признакам, мало что изменилось. Число премьер осталось прежним; правда, в прошлом сезоне выпущено три, но одна вскоре снята по не очень понятным причинам. Подписи под афишей тоже прежние – сам С.Женовач, Л.Дуров. Появился раз А.Хряков, ранее уже выпустивший славное “Мое заглавье”, – но именно его постановка и была прикрыта после четырех представлений. Снята и последняя оставшаяся работа А.В.Эфроса – и теперь ситуация парадоксальна: в театре, где больше всего проработал Мастер, его спектаклей нет, а есть – неподдалку, где он никогда не ставил.

В названиях – то же распределение: классика оставлена за главным, современные пьесы (в нелюбви к которым Женовач неоднократно признавался) отданы прочим. Появление имени Володина ничего не корректирует – это тоже классика, хотя иных времен. Оригинальные пьесы по-прежнему чередуются с инсценировками прозы, автором которых тоже выступает сам главный.

Рождественские мечтания

С точки зрения части критики и официальных властей, – театр благополучный, увенчанный множеством разнообразных наград – и сам главный, и его актеры (последний случай – “Золотая маска” Надежде Маркиной). Заметно (даже более, чем раньше) расслоение труппы, но это вопрос чрезвычайно деликатный и на широкую публику не выносятся.

Пожалуй, именно с публикой у Женовача напряженные отношения. Похвалы (иногда взхлеб) приверженцев главного среди критики не вызывают ответного отклика у зрителя; порой кажется – наоборот: чем громче хвала на страницах и телеэкране, тем меньше желающих в нее поверить. Самым ярким примером – “Идиот”, поставленный, впрочем, еще не главным: не прошло и года после увенчания его создателя очередной “Маской”, а спектакль сошел “в связи с неприбытием самолета” то бишь, зрителя. Если сравнить долгожительство спектаклей Женовача с другими, идущими на той же сцене, сравнение окажется не в пользу первых. Число проданных билетов быстро падает до критических отметок, заполняемость зала печальна.

Похоже, главный сознает недовольство публики – кто, в самом деле, способен высидеть три дня подряд, чтобы посмотреть один роман, – и пытается найти общий язык с залом. По крайней мере, во всех трех постановках периода “главенства” ощутимо стремление наладить контакт с теми, кто по другую сторону рамп. Поэтому берутся либо комедии (Тургенев), либо произведения, в которых сильно комическая струя; спектакли становятся компактнее – две последние постановки играют без антракта.

Однако при этом тонкие, акварельные краски, которые составляют в большой мере привлекательность работ Женовача и его актеров, исчезают, уступая место приемам более грубым, подчас примитивным. Смех теперь звучит на спектаклях Женовача гораздо чаще, однако, причины, его породившие, гораздо банальнее. Вот и в новой премьере изобилие “простонародных” плевков, тычков, затрепич и прочего, отчего ароматная проза Гоголя сводится куда-то в район Галина или Слуцки. Впрочем, подзаголовок “театральная фантазия” снимает все возражения: фантазия – качество строго индивидуальное, у кого богаче, у кого беднее.

Единственно – хочется фантазировать о том, чтобы труппы и их лидеры имели залы, для них наиболее подходящие. Энергетика, скажем, театра на Покровке явно превышает их микросцену, в то время как Женовачу и его актерам более подошел бы много меньший зал. Впрочем, при нынешней столичной ситуации не стоит предаваться бесплодным мечтаниям – они еще менее осуществимы в обозримом будущем, нежели желание царских черевичек у героини премьеры.

Геннадий ДЕМИН

*Экран и сцена -
1998. - апр. (№13).*